

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Жак Деррида: деконструкция действительности Часть 3

Глава 4. Современная философия

Деконструкция

Возможно, теперь мы достигли определенного уровня, на котором можем попытаться сказать, что же такое деконструкция. Деконструкция, по-видимому, состоит в том, что Деррида объявил войну всей базирующейся на царствовании разума западной философской традиции, которую он представлял неправильным и нечестным стремлением к достижению определенности и несомненности. Деррида назвал это «логоцентрическим поиском»: поиском наиболее подходящего и правильного слова, необходимого для выражения внутренней сущности мысли – слова, благодаря которому разум становится видимым.

Логоцентризм стремится к абсолютно рациональному языку, который в совершенстве должен изображать реальный мир: присутствие мира, смысл в слове. Деррида отмечал, что подобные представления являются деспотическими. Они могут быть поняты только с помощью сокрытия, запрещения или отрицания всего того, что не является определенным и несомненным.

По этой причине некоторые мыслители без всяких колебаний и сомнений исключали поэзию, теологию и этику, искусство, религию, метафизику и этику из сферы человеческого познания. Все вышеперечисленное они даже не относили к тому, что мы можем назвать знанием. Так они, вероятно, осознавали потребность относительно иной формы мышления.

Значение не связано со знаками. Оно не находится во внешнем облике знаков. Мыслители, на которых сильное влияние оказала структурная лингвистика, указывают на то, что значение является результатом соотношений, связей между символами. Но Деррида пошел дальше: структура любого значения должна содержать в себе людей, которые ищут это значение и сами создают его. Не существует никакой рациональной позиции, с которой можно было бы взглянуть на смысл снаружи и оценить значение с научной точки зрения. Мы, люди, стремящиеся к постижению значения, усваиваем лишь то значение, которое сами для себя создаем. Когда Деррида говорит: «Нет ничего за пределами текста», он имеет в виду все способы и правила истолкования, которые мы используем.

Если я прочитаю сказку «Красная шапочка» и скажу, что это предостерегающая сказка, которую взрослые рассказывают детям, чтобы предупредить последних о нежелательности пребывания в опасных местах, мое истолкование не будет выходить за рамки текста. Напротив, оно становится частью смысла текста вне зависимости от желания первоначальных рассказчиков.

Деконструкция и проблема перевода

Главная проблема деконструкции связана с переводом. Деррида говорит об этом в своем произведении «Письмо японскому другу». Идея деконструкции Дерриды родилась в его труде «О грамматологии». Но автор идеи не знал, что позже она станет главной программой. Поэтому в последних изысканиях будет ясно, что деконструкция имеет прямое отношение к переводу.

У Дерриды есть статья «Вокруг вавилонских башен», затрагивающая проблему перевода. В произведении, которое будет рассматриваться, Деррида не далеко ушел от языкознания, письмоведения, вглядываясь в тесно связанную с ней философию перевода. Деррида называет перевод «символическим событием». Критико-философская позиция Дерриды при изобличении метафизики – деконструкция. Этот метод не стремится свести на нет объект критики. Напротив, он приспособлен разбивать его вдребезги, дойдя подробно до каждой части, заново собрав, вдохнув в него новую жизнь, придать ему новый облик. Обычно к объекту деконструкции принадлежат метафизические системы, философские дискурсы. Из эпитом, взятых из труда Дерриды «Вокруг вавилонских башен», мы ясно видим его идеи, относящиеся к теории перевода, то есть его отношение к языку, к оригиналу письма. Произведение, которое мы будем рассматривать «Обязанности переводчика» Вальтера Беньямина.

Вальтер Беньямин, немецкий философ, знаток литературы, культуролог, живший в 1892–1940 гг. Он автор таких произведений, как «Об общем языке и языке человечества» (1916),

«Появление немецкой трагедии» (1925), «Произведения искусства в эпоху технической репродукции» (1936) и др., относящихся к философии, поэзии, художественной эстетике, философии творчества.

Жак Деррида в своем произведении «Вокруг вавилонских башен» начинает свои рассуждения с самого названия «Вавилон». Для него Вавилон – миф из мифов, перевод переводов, метафора метафор. Это название отсылает к самой легенде о «Вавилонской башне». По этой легенде, люди, не повинаясь Богу, построили большой и красивый город, внутри которого стали возводить башню, способную «достичь неба». На что Бог, разгневавшись на гордыню своих детей, смешал языки и рассеял их по земле. В писании пророков и Евангелии, город Вавилон называется еще нерадивой женщиной. Город, почувствовав свою вечную безопасность, воспринимается как грубый образ отступничества, совершённого возгордившимся человечеством в его отношениях с Создателем. Вавилон – образ-метафора, показывающий в контексте разноязычие человечества, в результате которого построение вавилонской башни невозможно. В итоге Вавилон превратился в скопление суетящихся как рой и не понимающих друг друга существ. Вальтер Беньямин, отстраняясь от общеизвестного названия Вавилона, смотрит на него, с другой стороны. Опираясь на слова, сказанные в «Философской энциклопедии» Вольтера, где говорится, что Вавилон – это имя самого Бога, имя Бога Отца, Беньямин делает из этой легенды глубокие заключения, касающиеся проблем перевода.

«И уже не поймешь друг друга, когда имеются только имена собственные, и не поймешь друг друга, когда имён собственных больше нет». Следовательно, город, которому дал имя сам Бог, может быть основой предположения о языковом единстве человечества, то есть коренной общности. Одарив людей способностью говорить, Бог позднее смешал языки себялюбивых детей, запутав их, чтобы не понимали друг друга, и рассеял их по земле. Начиная с этого момента, переводческая деятельность стала просто необходимой. Это особый архетип и особый пример – легенда о Вавилонской башне – может быть введением ко всем теоретическим проблемам перевода.

Итак, Деррида подробно останавливается на сказанных Вальтером Беньямином словах про миссию, долг и ответственность переводчика. По образному выражению Вальтера Беньямина, человек будто позаимствовал текст, взятый на перевод. Его обязанность не «терять» текст, который нужно вернуть. По словам Беньямина, вся сила переводчика растрачивается иногда на трудную и неопределенную деятельность, ведущую к ошибке, а порой даже к преступлению. Вальтер Беньямин среди использованных слов обращает внимание на соединение как «заполнить место», «заполнить место значения». Чтобы понять это, до определенного времени будем придерживаться лексики дара и долга. Долг здесь может быть и невозвращенным. Он может быть одним из видов «переменчивости».

Вальтер Беньямин высказался и о невозможности заполнить место значения в центре пьесы. Одним из значимых идей Беньямина является независимая от исторической лингвистики, но не чуждая ей полностью, идея «родства» языков. Как и то, что ничего не значащие для живущего, явления окружающей среды всё же находятся с ним в тесном взаимодействии, так и перевод, рожденный непосредственно от самого оригинала – это отдельно развивающийся творческий процесс. Оригинал – первоисточник, перевод же является вторичным продуктом, но он рассматривается как совершенно другое, новое продолжение. В данном контексте имеется в виду соответствие между языком вещей и человеческим языком, между неммым и говорящим, анонимом и имеющим имя.

Объективность перевода появилась – если надо, от ответственности перед обладателем первого имени Богом. Стоит сказать об одной вещи, каждый переводчик вынужден говорить о переводе. Для него нет ничего важнее перевода. Соглашение между несколькими языками – абсолютно особое соглашение. Это не общественное соглашение, отвечающее за формирование одного языка, единство языковой системы. Здесь слово, напротив может быть о соглашении между двумя чужими друг другу иностранными словами. Это межъязыковое соглашение делает возможным перевод, а перевод, в свою очередь, позже приводит рождению, в привычном для нас значении, нескольких видов соглашений. Этот топос (место) межъязыкового соглашения – особый топос. В простых категориях другого соглашения он кажется неуместным. Его можно назвать трансцендентальным топосом. Так как на самом деле

он, начиная с языкового соглашения в пределах одного добавления, делает возможным все соглашения. Это переводное соглашение в трансцендентальном значении может быть и самим соглашением, то есть это абсолютное соглашение может быть его компромиссной формой, создающей условия для совершения каких бы то ни было соглашений.

Перевод не стремится что-то сказать, перенести известное содержание на другой язык, сообщить о каких-либо запасах значения – он стремится к обозначению родства между языками, показать все свои возможности для его определения. Но это соответствие между языками – есть отношение первоначального сходства. Здесь скрывается тайна этого родства. В эссе, будь оно о названии рассказа, о символах, о букве – одним из глубинных оснований является теория наименования.

В концепции Вальтера Беньямина, язык определяется своим преимуществом давать названия и имена. В действительности, перевод является моментом собственного зрелого развития оригинала. В результате перевода, первоначальное произведение увеличивается, растет. Мелкие частицы разбившейся амфоры могут и подойти друг другу, но это будет очень хрупким сочетанием. Точно также, оригинал и перевод являются фрагментами какого-нибудь большого древнего языка.

Перевод обладает «силой притяжения» для «овладения» телом различных языков, он – могущественная сила, ведущая к расширению языка. По словам Беньямина, в переводе оригинал увеличивается, растет, в отличие от простого повторения в прежнем виде на другом языке. Свой поэтический топос о вещах и языке от Гельдерлина до Рильке и Хайдеггера, бывший основой многих медитаций, он воспринимал в качестве равной и соответствующей себе метафоры кувшина. Открытие конечного значения языка раскрывает единство корней языков, делая его возможным.

Слово «Истина» несколько раз встречается в «Обязанностях переводчика» Вальтера Беньямина. Но нет необходимости цепляться за него. Сходство перевода с оригиналом мало что скажет об истинности перевода. Перевод – это в определенном смысле обещание. Обещание – это имя Бога. Обещание – всегда символическая деятельность.

Переводчик по этому обещанию сближает, заставляет два языка участвовать в качестве парных частей первоначального синкретического единства. Таким образом, он открывает путь для языка истины. Переводов, способных обещать примирение, говорящих о нем, желающих его или принуждающих к нему очень редко. Перевод, на самом деле, подобно оригиналу – уникальное произведение. В этом случае скрывается превращение перевода из простого сообщения информации, находящейся в оригинале, в творчество.

Рассмотрим риторику этого эпизода. Мы далеки от веры, что «Семя» и выросший из него «плод», составляют одну вещь. Все это связано с истиной. Это невидимое между оригиналом и переводом сообщение, даже адекватность оригинала и перевода объекту или значению лежит за ее пределами. Саму истину можно понимать как чистый язык, представляющий неразрывное единство значений и букв. Для правильного перевода интенционального, сказанного В. Беньямином про «истину языка», нужно понять его мнение про «интенциональное значение», «интенциональную цель». Эти категории взяты из схоластики Brentano и Гуссерля. Они в «Обязанностях переводчика» играют очень важную и явную роль.

В какое место мишени целился концепция «Язык истины»? Вернемся снова к месту о том, что родство языков в переводе, независимо от любых исторических связей, показывает другую, скрытую сторону сходства между оригиналам и его повторением. Родство не обязательно приводит к сходству. Говоря об этом, ни Беньямин, ни Руссо, ни Гуссерль не оставляли без внимания проблему начала языка.

Можно сказать, что любой язык в своем одиночестве подвергается атрофии, увядает. Благодаря переводу, другими словами, благодаря лингвистическому дополнению, дающему то, чего не хватает для гармоничного постижения одного языка другим, обеспечивается внутреннее пересечение языков, рост, даже подобно «творению истории», осуществляемому в виде мессии «великое восстановление языков». «Вот такое развитие языка с этого времени называется Вавилон», – говорит Деррида.

Сделавший необходимым перевод и препятствующий ему, данный именем Бога (Вавилон) – закон Создателя. Но это только вавилонское событие, а не его строительство. Вместе с тем, это – статус и положение вавилонского текста в качестве священного текста.

В переводе или в названном случае, два языка, объединяясь друг с другом, сочетаясь «брачными узами», всецело соединяются. В понимании Дерриды, перевод является пределом интертекстуальности. Видимо, перевод сначала занимается самопроизводством.

Обобщая, можно сказать, что история слов в языке тесно связана с историей народа. По принесенным словам, которые в древности перешли из одного языка в другой и полностью сформировались, можно судить о взаимоотношениях между народами в прошлом. Из слов языка, тесно переплетенных с историей народа, можно заметить традиционный быт и уклад жизни, желания, мечты и цели, печали и радости, духовные искания. Когда говорится, что концепт – это донесение приходящей мысли и емкого содержания, мудрого заключения и разумного наставления, принимая во внимание, что эти концепты составляют духовный контур культуры, можно заметить, что переводчик, в процессе перевода концептов учитывает, что не только слова, буквы, но и дух произведения состоит из культурных особенностей. В процессе перевода в любом случае идет интерпретация, то есть процесс анализа и объяснения принятого текста. Значение – это очень сложный процесс, достигаемый в процессе принятия и анализа содержания.

Выводы

Деконструкция – способ, с помощью которого Деррида определял принципы структурного строения текста, чтобы выявить его скрытое значение. Каждый текст, как отмечал философ, состоит из уровней значения, которые проявляются, когда он читается и перечитывается в рамках более поздних исторических периодов или в рамках иных культурных условий.

Безусловно, языковые системы являются естественными. Однако фактически, они представляют собой конструкции, которые могут функционировать как жесткие, по словам Дерриды, даже деспотические, системы. Так, мы должны развивать, совершенствовать средства и методики, позволяющие нам выявлять различные понимания текста.

Текст не просто часть написанного на странице; он является некоей структурой, которая содержит в себе определенный смысл. Этот смысл может включать в себя беседы, разговоры, изображения, музыкальные произведения. Кроме того, все это необязательно должно быть отражено в самом тексте непосредственным образом. Отметим, что все эти элементы неизбежно будут противоречить самим себе. Если мы подробно рассмотрим данные противоречия, мы начнем замечать способы, с помощью которых автор или текст могут влиять на мысли читателя.

Каждый читатель рассматривает и изучает текст с определенными предположениями и убеждениями, находящимися у него в голове. Они так же важны, как и то, что автор говорит в тексте. Они содержат в себе определенное значение. Так, ни один текст не может иметь устойчивого, заранее определенного и неизменного смысла. Значения и смыслы, которые я вкладываю в определенный текст, несомненно, отличаются от значений, которыми вы наделяете тот же самый текст. Понимание текста читателем всегда зависит от множества условий.

Важное свойство всех работ Жака Дерриды состоит в том, что они, по-видимому, опровергают возможность существования истины или абсолютной ценности; нет ничего, что человек мог бы знать без сомнений. Так, все моральные утверждения и суждения становятся просто-напросто невозможными.

Однажды Деррида назвал деконструкцию «бесспорным доказательством невозможности». Он опроверг основополагающую структуру западной философской традиции. Но есть ли какой-нибудь смысл во всех его стараниях? Разве мы мыслим, не опираясь при этом на совокупность наших культурных или интеллектуальных особенностей? А сможем ли мы вообще что-нибудь понимать, если эти особенности – контексты – исчезнут? Что, если они являются смутными, неясными, неопределенными – в этом случае наш процесс мышления представляется неправильным? Кто исправит этот процесс? От чего этот человек будет отталкиваться?

Некоторые отрицают то, что работы Дерриды имеют большое значение и относятся к числу философских. Эти люди утверждают, что Деррида буквально извратил важные философские стремления, перспективы, отобрав у философии внутреннюю защиту от опасных идеологий. Но где источник этих защитных средств? Где их обоснованность?

Наконец мы подошли к рассмотрению философа, который изучал смысл текста. Деррида подчеркивал, что язык не может опираться на какой-либо постоянный, неизменный смысл. Его термин «деконструкция» подразумевает выявление значения текстов с помощью демонстрации того, что они сконструированы из предпосылок, которые не могут быть истинными. Значение текста нельзя ограничить намерениями автора. Западная философия зациклилась на поиске несомненного, истинного значения. Деррида полагал, что этот поиск по своей сути был ложным, неправильным. Слова сами по себе не содержат значения, они «отделяются» от своей способности иметь непосредственное значение с помощью отсылок к другим вероятностным значениям. Язык относителен.

Теперь нам необходимо отвлечься от «модернистского» взгляда на мир, в рамках которого реальность была ограничена поддающейся человеческому наблюдению системой природы. Человек являлся высшей ценностью, научный метод рассматривался как единственный инструмент, необходимый для получения знания. Модернистское мировоззрение верило в прогресс, в независимых и свободных людей, объективно оценивающих доказательства, самостоятельно принимающих решения, не зависящих от пространственно-временных условий. Человек знал вещи такими, какие они есть, все внешние авторитеты подвергались сомнению и глубокому исследованию.

В конце двадцатого века склад человеческого ума изменился. Иногда его называют постмодернистским. Новое сознание отрицает объективность и несомненность знания. Создание всеохватывающих, объясняющих абсолютно все метафизические, религиозные и исторические системы теорий, теперь представляется невозможным. Человек постмодерна отказывается признавать, что знание включает в себе благо. Угасла вера в прогресс. Истина все чаще постигается способами, отличными от рациональных, например интуитивно. Истина и знание стали часто рассматриваться как убеждения отдельно взятой общности людей.

Все эти утверждения являются общими, чрезвычайно широкими, но, возможно, вы сможете осознать роль, которую Деррида сыграл в постепенном, неявном, поэтапном процессе их принятия обществом.

Итак, люди занимались философией более 2500 лет. Несмотря на это, они так и не смогли прийти к общему мнению относительно того, что же такое философия. Философия, следует отметить, представляется странной смесью науки, теологии, мистики, этических размышлений о сущности мира, в котором мы живем, нашем месте в нем, об окончательной цели нашего существования, если таковая вообще имеется. Общим для всех мыслителей и для всех философских систем является «размышление». Ранние философы утверждали, что природа вещей может быть познана и раскрыта человеком только благодаря глубокому и упорядоченному процессу мышления. Более поздние мыслители полагали, что философия связана не только с размышлениями о мире, но также с наблюдением и практическими экспериментами. Философы, близкие к современности, утверждали, что философский анализ связан с использованием языка. Изучение принципов функционирования языка, по их мнению, было необходимо как условие для дальнейших философских размышлений. Затем появилось предположение о том, что текст не содержит значения до тех пор, пока не будет прочитан читателями, которые, внося свои собственные представления и утверждения, изменяют его изначальную задумку. Так значение текста не предопределено заранее, а лишь возможно.